

© 1990 г.

А. Э. Имхоф

ПЛАНИРОВАНИЕ ЖИЗНИ НА ВЕСЬ СРОК. ПОСЛЕДСТВИЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 300 ЛЕТ *

Введение. Одна из сказок братьев Гримм носит название «Срок жизни». Вот она:

«Когда Господь сотворил мир и собрался определить срок жизни для каждой твари земной, явился осел и спросил: «Господь, как долго должен я жить?» «Тридцать лет,— ответил Господь,— этого для тебя достаточно?» «Ах, Господи,— ответил осел,— это слишком долгий срок. Ты подумай про мое горестное существование: с раннего утра и до поздней ночи таскать тяжести, носить на мельницу мешки с зерном, чтоб другие ели хлеб, и получать одни только пинки да побои. Сократи мне часть моей долгой жизни.» Сжалился Господь и определил ему жить восемнадцать лет.

Ушел осел утешенный, а затем явилась собака. «Как долго ты хочешь жить?»— спросил ее Бог.— Ослу показалось тридцать лет слишком много, а ты будешь этим довольна?» «Господи,— ответила собака,— неужели такова твоя воля? Ты подумай только, сколько мне приходится бегать, ведь такой долгий срок мои ноги не выдержат. А если я потеряю голос и не смогу лаять, и не будет у меня зубов, чтобы кусать, что тогда мне останется? Слоняться из угла в угол да ворчать?» Господь понял, что собака права, и определил ей срок жизни в двенадцать лет.

Затем пришла обезьяна. «Тебе, пожалуй, хотелось бы жить тридцать лет?»— спросил ее Господь.— Ведь работать тебе не придется, как ослу и собаке, и ты всегда весела.» «Ах, Господи,— ответила обезьяна,— да это только так тебе кажется, а на самом деле иначе. Когда кругом всего вдосталь, у меня не бывает ложки. Я должна всегда делать веселые гримасы, корчить рожи, чтобы смешить людей, а когда они кинут мне яблоко, оно оказывается кислым. Как часто за смехом таятся слезы! Тридцать лет я не выдержу.» И Бог был милостив и отнял у нее десять лет жизни.

Явился наконец человек. Он был весел, здоров и бодр и стал просить Бога, чтобы тот определил ему срок жизни. «Ты должен жить тридцать лет,— сказал Господь,— достаточно ли для тебя этого?» «Какой короткий срок!— воскликнул человек.— Когда я построю себе дом и будет пылать огонь в моем собственном очаге, когда я посажу деревья и они зацветут и станут приносить плоды и я буду радоваться жизни,— тогда-то я и должен умереть! О Боже, продли мне срок моей жизни.» «Я прибавлю тебе восемнадцать ослиных лет»,— сказал Господь. «Этого мне мало»,— возразил человек. «Тогда ты получишь еще двенадцать собачьих лет.» «И этого мало.» «Ну, так уж и быть,— сказал Господь,— я прибавлю тебе еще десять лет обезьяньих, но уж больше ты не получишь.» И человек ушел, но был недоволен.

Итак, живет человек семьдесят лет. Первые тридцать лет — это его человеческие годы, они быстро проходят; в эту пору человек бывает здоров, весел, работает с увлечением и радуется своему бытию. Потом наступает восемнадцать ослиных лет; тогда на него ложится одно бремя за другим: он должен таскать зерно, которое кормит других, и в награду за верную службу он получает только

* Доклад прочитан на III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора по проблемам жизненного цикла. Этот доклад посвящается многим выдающимся европейским этнологам, неоднократно дававшим мне за последнее десятилетие пищу для размышлений, помогая лучше осмыслить результаты собственных историко-демографических исследований.

пинки да побои. Потом наступает двенадцать собачьих лет; и лежит тогда человек в углу, ворчит, и нет у него больше зубов, чтоб разжевывать пищу. А когда пройдет и это время, наступает, наконец, десять лет обезьяньих; тогда человек становится чудаковатым и слабоумным, делает глупости и становится посмешищем для детей.

Братья Гримм (Якоб — 1785—1863, и Вильгельм — 1786—1869) собирали свои сказки в начале XIX в. Тогдашний традиционный опыт гласил, что человек редко живет дольше 70 лет и что жизнь его подчинена естественным процессам старения, телесного и умственного. Фольклор дает нам пример еще более дробного деления жизненного цикла в рифмованных рассуждениях об этапах жизни¹. Эти рассуждения, бытовавшие в разных вариантах, имели примерно следующий вид:

«В десять лет — дитя;
В двадцать лет — юноша;
В тридцать лет — мужчина;
В сорок лет преуспевает;
В пятьдесят лет стоит на месте;
В шестьдесят лет начинает стареть;
В семьдесят лет — старик;
В восемьдесят лет теряет мудрость;
В девяносто лет — посмешище для детей;
В сто лет — милость от Бога».

Сравнивая эти стихи с содержанием сказки, мы с удивлением обнаруживаем, что в сказке «человек становится чудаковатым и слабоумным, делает глупости и становится посмешищем для детей» уже в 60—70 лет, а в стихах — только в 90 лет. Соответственно сказка утверждает, что только первые 30 лет жизни — настоящие «человеческие годы», а дальше дело идет к закату. В стихах же, наоборот, говорится, что человек достигает зенита лишь к 50 годам, а начинает стареть только с 60. Имеем ли мы тут дело с разными системами измерения возраста? Возможно, но для специалиста по исторической демографии существуют иные соображения. И тут я подхожу к своей основной теме.

Историческая демография — относительно новое направление в изучении истории европейского общества в основе связана со статистической информацией, схемами и компьютерными распечатками. Необходимо собирать и анализировать массивы данных о рождениях, браках и смертях, содержащиеся в приходских книгах, начиная с XVI—XVII вв. Это очень трудоемкая процедура, и историко-демографические исследования обычно проводятся только целыми группами специалистов, вооруженных ЭВМ. Но когда банки данных уже сформированы, воображение историка, до того временно усыпленное, разгорается вновь. В его сознании из огромной массы обезличенных сведений внезапно возникают живые люди из плоти и крови, люди, родившиеся и жившие в определенных местах, имевшие детей и бездетные и более или менее преждевременно встретившие смерть от «чумы, голода и войны». Когда же наступает пора интерпретировать статистические данные, таблицы и схемы, исследователь опирается не только на «твердые факты», но и на другие источники. Его девизом становятся: «Не ограничивайся знаками до запятой», и он охотно идет на заимствования из этнографии, фольклористики, литературоведения или истории искусства. На этом этапе историко-демографическое исследование обретает поистине междисциплинарный характер.

Теперь, однако, не время знакомить читателя с началами исторической демографии (в качестве подобного введения можно указать на книги Дж. Уиллигана и К. Линч, а также Ж. Дюпакье)². Я бы хотел описать некоторые результаты своих примерно 15-летних исследований в этой области и представить их для обсуждения в рамках интересующей нас тематики жизненного цикла. Из-за недостатка места мне придется ограничиться упрощенным схе-

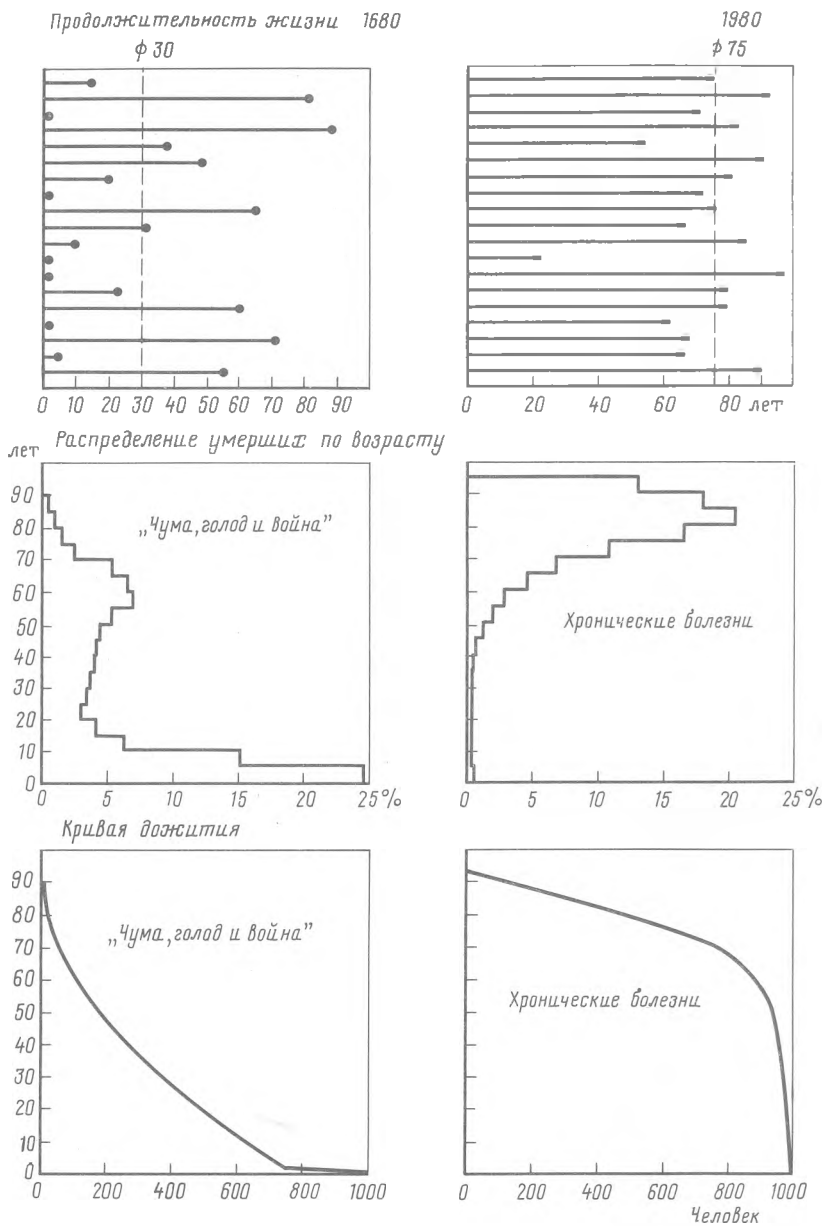

Рис. 1. Составлен по: *Imhof A. E. From the Old Mortality Pattern to the New: Implications of a Radical Change from the Sixteenth to the Twentieth Century // Bulletin of the History of Medicine, 1985, V. 59, P. 1—29; Idem. Life-Course Patterns of Women and Their Husbands: 16th to 20th Century // Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives. Hillsdale (N. J.), 1986, P. 247—270.*

матическим изложением. Я буду постоянно сравнивать условия «прежде» и «теперь». «Прежде» означает приблизительно 300 лет назад, т. е. около 1680 г. Начиная с этого времени, имеющиеся в нашем распоряжении многочисленные приходские книги позволяют составить банки историко-демографических данных. Наше «теперь» относится к 1980-м годам.

Конечно же, ход событий за такой длительный период не мог быть направлен совершенно однозначно. Мне бы не стоило труда постоянно указывать на вариаци-

ции в зависимости от времени и места, от социальных или религиозных различий. Однако моя цель сейчас не в этом, а в том, чтобы создать почву для совместного обсуждения проблемы с участием этнографов. Это невозможно без некоторого количества «твердых фактов», которые я буду комментировать с точки зрения историка-демографа. Затем должна наступить очередь этнографов. Их отклики, возражения и идеи будут приветствоваться, ибо необходим диалог поверх барьеров, которые существуют между научными направлениями. Вклад со стороны этнографов может ощутимо способствовать развитию исторической демографии.

I. Полный жизненный цикл для каждого как исторически новое явление. Анализ любых данных о смертности европейского населения, относящихся к концу XVII в., обнаружит картину, схематически представленную в верхнем левом углу рис. 1. Из каждых пяти человек один доживал до 60 лет, другой — до 10 и третий — до 18 лет, среди детей двое умирали на первом году жизни. Средняя продолжительность жизни составляла 30 лет. Возможно, подобный срок и называется в сказке «человеческими годами».

В настоящее время, как видно из верхней правой части рис. 1, из каждых четырех человек один доживает до 68 лет, другой — до 82, третий — до 74 и четвертый — до 76 лет. Средняя величина составляет 75 лет, причем она гораздо точнее отражает реальную ситуацию, чем средний показатель в 30 лет для людей, живших 300 лет назад. Только поскольку продолжительность жизни в наши дни варьирует незначительно, имеет смысл говорить о средней ожидаемой продолжительности жизни как о более или менее определенной величине. В прошлом большее значение имели отклонения от среднего показателя, который носил скорее теоретический характер.

В современный период ожидаемая продолжительность жизни примерно одинакова для всех: для каждого мужчины, для каждой женщины и в особенности для каждого ребенка. Такая ситуация существует с недавних пор — на протяжении не более двух-трех поколений. При более тщательном анализе обнаруживается, что в современной Западной Европе почти отсутствует младенческая и детская смертность. Что же касается смертности в старших возрастах, то здесь картина еще не достигла полной стабильности. Распределение умерших по возрасту уже находится в достаточно узких пределах, но — как мы видим, взглянув на газетные некрологи, — еще не сконцентрировалось в одной точке. К тому же средний возраст умерших все еще понемногу растет. Средняя ожидаемая продолжительность жизни для мужского населения ФРГ в 1970—1972 гг. составляла 67 лет, для женского — 74 года. В 1981—1983 гг. этот показатель достиг соответственно 70 и 77 лет.³

Если мы на фоне этих данных рассмотрим представления о жизненных этапах, отраженных в сказке и в стихах, можно заключить, что сказка относится к более ранней стадии исторического развития, чем стихи. Задача специалистов состоит в том, чтобы определить время возникновения обоих произведений фольклора и связать результаты исследования с данными исторической демографии⁴.

Из сказанного выше вытекает, что, анализируя историческую эволюцию продолжительности жизни, следует обращать внимание не столько на величину этого показателя, сколько на различия в распределении умерших по возрасту. В средней части рис. 1 сравнивается такое распределение «прежде» и «теперь». В прошлом около 25% всех смертей приходилось на младенцев и детей, еще 25% — на юношей и девушек. Для тех, кто достигал совершеннолетия (а это удавалось только половине родившихся), оправдывалось изречение «среди нашей жизни нас подстерегает смерть». Теперь же мы достаточно уверены в нашей жизни примерно до 60-летнего возраста. Смерть начинает собирать свою жатву среди тех, кто дожил до 70—75 лет.

Эти сдвиги отображены в нижней части рис. 1. Кривая дожития показывает, сколько людей из 1000 родившихся в определенном году доживает до данного

возраста. «Прежде» только 500 человек из 1000 доживали до 20 лет. Поэтому появление каждого взрослого требовало рождения двух детей. В наше время половина всех родившихся доживает до 75-летнего возраста. До 50 лет «прежде» доживали только 200 человек из 1000. Теперь этого возрастного рубежа достигают 9 из 10 родившихся.

Очень важно, что продолжительность жизни людей обрела определенность, немислимую еще за несколько поколений до нас. Еще важнее, что такая продолжительность жизни стала всеобщей. Ведь «прежде» четверть или даже (если включить детей и молодежь) половина всех жизней заканчивалась, не успев по-настоящему развернуться. Теперь целесообразно вкладывать финансовые, интеллектуальные и эмоциональные ресурсы как в наши собственные жизненные циклы, так и в жизненные циклы наших детей, учеников, современников. Родителям уже нет необходимости производить на свет четверых детей, если они хотят иметь двоих. Когда 35-летний человек погибает в дорожной катастрофе или же когда 30-летний кончает самоубийством, некролог в обвинительном тоне вопрошает: «Почему?»

На сколько же лет жизни мы имеем право?

В прошлом фундаментальная неопределенность в жизни людей вызывалась троицей, которая уже упоминалась выше и которая фигурирует в литании всем святым: «Боже, сохрани нас от чумы, голода и войны». Слово «чума» следует понимать как любое моровое поветрие, будь то оспа, холера или иная инфекционная болезнь, распространявшаяся в прошлом эпидемическим путем. «Голод» и «война», в отличие от «чумы», обычно поражали своих жертв не прямо, а косвенным путем. Периодические неурожай, случавшиеся в XVII, XVIII и XIX вв., уже не доводили массы людей до голодной смерти, однако приводили к распространению «голодных эпидемий», например брюшного тифа или желудочно-кишечных заболеваний на почве потребления различных суррогатов, неспособных обеспечить нормальное питание как количественно, так и качественно. Сходным образом, сравнительно мало людей погибало непосредственно в результате военных действий. Гораздо опаснее были «военные эпидемии», распространявшиеся по путям движения войск или исходившие из мест их расквартирования. Стоит вспомнить, например, что разносчиком тифа были вши, обильно накапливавшиеся в солдатских мундирах, которые не стирались неделями.

Средняя и верхняя части рис. 1 содержат важные (в том числе и в историко-психологическом плане) указания на «эпидемиологический переход», совершившийся за время между «прежде» и «теперь». Если около 80% наших предков умирали от паразитарных и инфекционных заболеваний, то примерно такое же большинство наших современников умирают от хронических болезней, главным образом от сердечно-сосудистых заболеваний и от рака. Надо заметить, что инфекционные и паразитарные заболевания поражали людей любого возраста, вселяя в каждого неуверенность в будущем. Однако необходимо иметь в виду и то, что умирание «по старой модели» обычно было делом всего нескольких дней. Теперь опасность инфекционных заболеваний уменьшилась, но это не дало нам бессмертия, а выдвинуло на первый план иные причины смерти, ранее игравшие ограниченную роль.

Хронические и необратимые расстройства здоровья не только убивают нас чаще в преклонном возрасте (старше 60—70 лет). Они убивают нас не так, как чума, оспа или тиф, а медленно. Эта «новая форма умирания» часто представляет собой долгий и мучительный процесс, длящийся не сутками, а неделями, месяцами и годами. Это тяжелое испытание, поскольку оно носит как физический, так и психологический характер, а результат всегда один — смерть. Многие из нас боятся не столько смерти, сколько именно умирания: зависимости от других людей, одряхления, постепенного угасания, ожидания смерти как облегчения.

Несомненно, в этом плане наше теперешнее положение является печальным.

Многие из нас могут малодушно спросить (особенно если речь идет о нас самих или наших близких), не проиграли ли мы, променяв инфекционные болезни в качестве основной причины смертности на хронические заболевания? Этот обмен не только увеличил продолжительность жизни, но и продлил процесс умирания.

Рассматривая 300-летний период с 1680—1980 г., стоит попробовать заглянуть и в будущее. Конечно, следует соблюдать осторожность, экстраполируя во времени линии исторического развития — ведь всегда возможны неожиданные варианты хода событий. Имея это в виду попытаемся мысленно дополнить рис. 1 сегментами, относящимися к недалекому будущему, например к 2000 г. Эти сегменты будут размещаться друг под другом в крайней левой части рисунка. Мы получим примерно следующую картину: верхний сегмент покажет еще большую стандартизацию жизненных циклов. Все большее число людей будут доживать до преклонного возраста, причем приблизительно одинакового для всех. Средняя продолжительность жизни, вероятно, несколько возрастет. На центральной части рисунка видно, что средний возраст умерших все в большей степени будет концентрироваться около 85 лет. Нижний сегмент продемонстрирует, что линия дожития своими очертаниями будет стремиться к форме прямого угла. Если исключить из рассмотрения несчастные случаи и самоубийства, практически все люди будут доживать до 80 лет, завершая свой жизненный путь в возрасте от 80 до 90 лет.

Однако, делая подобные прогнозы, мы сталкиваемся с проблемой, занимающей главное место в сказке, которую мы привели вначале. Это проблема биологической продолжительности жизни. Вопрос стоит так: сколько лет может в среднем прожить человек, если он не становится преждевременной жертвой случая или болезни, как это обычно бывало раньше? Иначе говоря, сколько лет в среднем отпускает природа людям? Каждое живое существо имеет определенную, пользуясь биологическим термином, среднюю максимальную продолжительность жизни. Так, в сказке ослу было дано 18 лет, собаке 12, обезьяне 20, а человеку 70. В стихотворных рассуждениях об этапах жизни человек уходит в могилу не ранее 100-летнего возраста. Историки-демографы вывели величину средней максимальной продолжительности жизни, основываясь на учете смертности в Европе за три-четыре столетия. Эта величина занимает промежуточное положение между приведенными выше, составляя 85 лет. В течение всего доступного исследования периода данный показатель оставался практически неизменным. В 1600 г. для 80-летних европейцев ожидаемая продолжительность предстоящей жизни составляла 4—5 лет. В нынешней ФРГ эта величина изменяется 6—7 годами.

Таким образом, данные исторической демографии дают основание для следующего вывода. На протяжении последних веков все большее число людей получают возможность использовать все большую долю срока жизни, отмеренного нам природой. На языке биологии, истории медицины и даже исторической демографии можно выразиться так: в то время как генетически запрограммированная физиологическая продолжительность жизни человека оставалась неизменной, экологическая продолжительность жизни за период с XVII в. до наших дней возросла в 2,5 раза — с 30 до 75 лет⁵. Возможно, ее современную величину следует определять как 85 лет.

Если развитие будет и дальше идти в этом направлении, вполне возможно, что в недалеком будущем экологическая продолжительность жизни сравняется с физиологической. Это значит, что кривая дожития примет ожидаемую «прямоугольную форму», продолжительность жизни почти для всех будет составлять около 90 лет, а возраст умерших будет колебаться в тех же узких пределах. Вероятность такого прогноза зависит от точности определения физиологической продолжительности жизни. Это спорный вопрос⁶. Некоторые считают, что эта величина будет постоянно возрастать. Тем не менее есть основания предположить следующее.

То, что экологическая продолжительность нашей жизни все еще повышается, объясняется сокращением смертности от инфекционных заболеваний. Типичная же для нашего времени смерть от хронических болезней наступает во все более и более позднем возрасте. Люди обычно умирают от рака или сердечно-сосудистых заболеваний не в 20, 30, 40 лет, а в 60, 70 или 80, и эта тенденция проявляется все ярственнее. Возможно, в будущем мы будем достигать предела физиологической продолжительности жизни (сколько бы она ни составляла — нынешние 85 или же 90—95 лет) еще до наступления первых симптомов хронических заболеваний. Иначе говоря, мы будем, подобно нашим предкам, умирать быстрой смертью от не самых тяжелых в обычных условиях болезней. Но, в отличие от предков, мы будем умирать, прожив до самого конца долгую и насыщенную жизнь. Нам не придется бояться смерти и предсмертной беспомощности, мы будем сохранять здоровье и самостоятельность до последнего дыхания. Таким образом, наше нынешнее тягостное положение — не более чем переходное явление, и в перспективе у нас нет оснований для пессимизма.

Но и без этих прогнозов последствия роста экологической продолжительности нашей жизни настолько огромны, что стоит поразмышлять о них более внимательно.

II. Полнота жизненного цикла и совместная жизнь людей. Как мы показали в первой части статьи, если «прежде» человек любого возраста не мог быть уверен в продолжительности своего существования, то «теперь» такая неопределенность не возникает по крайней мере до 60—70-летнего возраста. В этом и состоит важнейшее для нас отличие прошлого от настоящего. Перед лицом подобной неопределенности наши предки поступали бы весьма неразумно, придавая решающее значение в своих мыслях и поступках любому конкретному «я», неважно, своему или чужому. Рассматривая стратегии, применявшиеся ими для достижения стабильности в повседневной жизни, мы обращаемся к условиям и моделям поведения, описанным более века назад Фердинандом Теннисом (1855—1936) в книге «Община и общество» («Gemeinschaft und Gesellschaft»), впервые опубликованной в 1887 г. Автор рассматривает историческое развитие социальной жизни как путь от общины — естественного, эмоционально сплоченного организма в форме семейного или соседского коллектива — к холодному обществу с его рациональным, целесообразным способом мышления.

Разделяя в принципе такое представление, я хотел бы несколько уточнить его в соответствии с рис. 1. В свете реконструкций генеалогий и кругов брачных связей историк-демограф едва ли будет утверждать, что локально ограниченные и четко выделяемые общины (историческое существование которых он, конечно, признает) возникали в результате естественного роста населения. Люди сплывались в общины, поскольку их вынуждала к этому сама природа, угрожая любому «чумой, голодом и войной». Наши предки дорожили жизнью в общине, ибо она давала каждому уверенность и стабильность, которых так не хватало одиночке. Существование общины выходило за пределы жизни отдельного человека, будь та краткой или долгой. Для каждого община была средоточием его земного бытия. Я хотел бы привести некоторые примеры подобного поведения из своих исследований. С удовольствием признаю, что эти исследования стимулировались работами этнографов, в частности Неттинга⁷ и Стоклунда⁸. Неттинг изучил швейцарскую микропопуляцию в кантоне Вале за период в 300 лет, а Стоклунд — популяцию датчан на о. Лесё на протяжении более 700 лет.

Ферма Фельтесхоф расположена в деревушке Лаймбах в области Швальм (северо-восток земли Гессен, ФРГ). Источники позволили мне проанализировать ее историю с XVI в. до наших дней. Со своими 40 га плодородных земель ферма является одной из крупнейших и самых процветающих в округе. Обрабатываемых угодий вполне хватило бы на несколько семей. Однако хотя Фельтесхоф находится в области, где бытовали разные обычаи наследования, в том числе и позволявшие делить недвижимое имущество, ферма никогда не под-

вергалась разделу. Она всегда передавалась от поколения к поколению в неприкосновенности, даже при наличии нескольких наследников. Впрочем, рассматривая систему брачных связей, можно убедиться, что и другие наследники (сыновья и дочери) не оставались внакладе, получая определенную выгоду от такого порядка наследования. Высокая репутация фермы позволяла им находить гораздо лучшие брачные партии, чем те, что полагались владельцам фермы в 5 га. Брачные связи устанавливались не просто между соседями, а между владельцами ферм, примерно одинаковых по размеру и репутации.

Между 1552 и 1977 гг. в Фельтесхофе сменили друг друга 16 поколений владельцев. Некоторые из них доживали до старости — до 83, 85, 90 лет. Однако никто даже не думал продолжать вести хозяйство в таком преклонном возрасте — ведь эти люди были лучше нас знакомы со стихотворными изречениями об этапах жизни! А разве там не говорится четко и недвусмысленно: «В шестьдесят лет начинает стареть; в семьдесят лет — старик; в восемьдесят лет — теряет мудрость; в девяносто лет — посмешище для детей»? И в соответствии с этой народной мудростью крестьянин, достигнув 60—65 лет, передавал ферму молодому наследнику.

При этом пожилой земледелец не оставался праздным. Контракт о передаче наследства предусматривал, что он сохраняет за собой некоторые обязанности, например уход за пчелиными ульями, за участком сада или поля. Что еще более важно, он всегда имел в своем распоряжении лошадь для поездок по округе. В этом заключался следующий смысл. Если молодые, здоровые люди занимались физическим трудом, то пожилые, с их осторожностью, зрелой мудростью и дипломатическими способностями, брали на себя отношения с родственниками, близкими и отдаленными соседями, а иногда и посредничество в конфликтах между крестьянами или же с местной элитой. И если человек уже не находился в центре деятельности, а оставался, подобно «серому кардиналу», на заднем плане, для него было психологически легче осуществить переход от зрелости к старости в рамках сложившейся системы. Быть может, такой переход и вовсе не был трудным. На такую мысль наводит следующее крестьянское изречение, лучше известное этнографам, чем историкам:

«Этот дом и мой, и не мой;
С тем, кому он достанется,
Будет то же самое».

Крестьянин не считал нужным самому вести хозяйство на ферме до последнего своего дыхания. Важнее было обеспечить хорошую репутацию фермы, чтобы наследник мог взять ее в свои руки в таком же хорошем состоянии, в каком она была, когда прежний владелец брал ее в свои. В интересах фермы и самого земледельца было нести бремя ответственности за хозяйство, только пока позволяло здоровье, т. е. примерно до 60-летнего возраста. К этому времени человек мог уйти на покой с чувством выполненного долга, уступая место следующему поколению. В подобной системе не было (в отличие от современных условий) работы на всю жизнь, которая неотделима от данного человека и прекращается только с его смертью, заставляя нас всегда стремиться к эффективному использованию времени. Каждому отводилась лишь временная роль в общем деле, осуществляемом многими поколениями. В этом смысле временной горизонт наших предков был существенно иным, чем наш. К тому же их жизнь делилась на два компонента — более или менее продолжительный земной и несравнимый с ним вечный. Умирание и смерть являлись переходом от земного существования к вечности. За смертью следовали воскресение и вечная жизнь в Боге. За последние 300 лет продолжительность нашей жизни возросла в два-три раза, но за это время многие из нас утратили веру в вечность. В целом наши жизни гораздо короче, чем у наших религиозных предков.

Приведенное выше изречение имеет и дополнительный смысл. Я не случайно

говорил о крестьянине как об управляющем, а не владельце фермы. Из всех 16 поколений обитателей Фельтесхофа никто не считал себя его хозяином. Это были только временные администраторы («этот дом и мой, и не мой»). Такой вывод подтверждается, если мы обратим внимание на имена этих людей. За одним-единственным исключением все их звали Иоганн Хоос! Как же это могло получаться? Разве здесь не было той высокой детской смертности, о которой говорилось выше? И как мог всегда выживать именно ребенок по имени Иоганн?

Оказывается, это имя при крещении давалось нескольким сыновьям (в одной семье таких было девять!). Чтобы их можно было различать, они получали вторые имена: Иоганн-Якоб, Иоганн-Клаус, Иоганн-Андреас и т. п. Таким образом, даже при 50%-ном уровне детской смертности, обеспечивалось выживание хотя бы одного мальчика по имени Иоганн, который мог взять на себя управление фермой в свои зрелые годы. И так продолжалось более 400 лет — поистине замечательная стабильность! Но ее можно было достичь лишь потому, что крестьянин не придавал большого значения своему «я», а только играл роль «Иоганна Хооса». Дело было не в личности того или иного Иоганна, а в том, что он выполнял свою функцию для блага Фельтесхофа. В центре внимания был не индивид, а ферма и ее долголетняя репутация.

Если бы меня спросили, насколько типичен для этой эпохи пример Фельтесхофа, я бы ответил, что вопрос поставлен неправильно, точнее, внеисторично. Мы ведем речь о временах, когда для каждого человека мир был гораздо теснее, чем теперь, ограничиваясь краем леса или горной цепью, о временах, когда продолжительность жизни отдельных людей колебалась в огромной степени. Эти маленькие мирки были гораздо более разнообразными, а жизненные циклы отдельных людей в каждом случае более уникальными. Поэтому для тех времен нет смысла говорить о типичном индивидуальном мире или о типичном жизненном пути. Такие понятия существуют лишь в наше время, когда наши миры и мировоззрения подверглись такой стандартизации, что стали почти что взаимозаменяемыми. Теперь единственный пример может дать исчерпывающую информацию о сотне других случаев. В прежние времена такое было невозможно.

Для прежних времен действительно характерной была обстановка неопределенности и изменчивости. Чтобы достичь стабильности, разрабатывались и упорно осуществлялись самые различные стратегии. Мы уже описали, каким способом обеспечивалась стабильность в Фельтесхофе. В соседней деревушке Лосхаузен ситуация была совсем иной — здесь многие фермы не превышали по площади пяти гектаров, что едва давало возможность прокормить одну семью. Однако и здесь люди стремились к стабильности — ведь без нее они просто не могут жить! В разработку этой проблемы особенно большой вклад могут внести специалисты по этнографии европейских народов. Тут важно проанализировать и бытовые традиции, способствующие достижению и поддержанию стабильности, и соответствующие ритуалы, жесты, манеры, а также некоторые черты народной религиозности.

По мере того как продолжительность жизни каждого становится все более определенной величиной, распространенные в прошлом формы поведения, рассчитанные на обеспечение стабильности, устаревают и отмирают. Примеры сохранения или возрождения традиций чаще связаны не с устойчивостью духовного уклада в малых общинах, а с привлечением туристов. С исчезновением чумы почитание таких святых, как Рок и Себастьян, потеряло всякий смысл. Нам уже не нужен Св. Власий — ведь теперь мы можем обратиться к более надежному отоларингологу. А мощные струи из пожарных шлангов смыли в небытие и Св. Флориана. Одним словом, святые на небесах вымерли.

Не упустили ли мы из виду, что ускоряющаяся дехристианизация западного общества с XVIII—XIX вв. отчасти объясняется именно переходом от неопределенной к определенной продолжительности жизни? И как же отрицательно повлияла секуляризация на жизненный срок! Что значит двух- или даже трех-

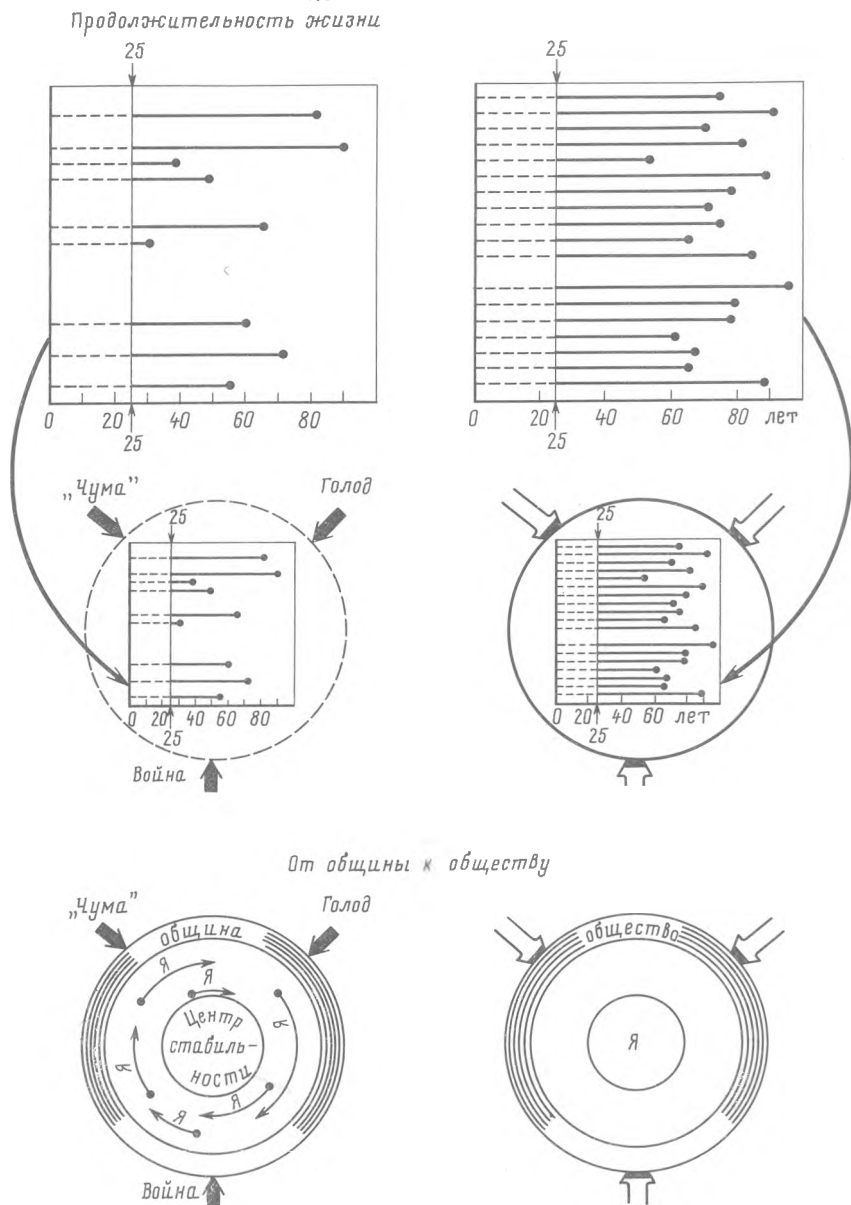

Рис. 2. Составлен по: *Imhof A. E. Nos ancêtres à la recherche de stabilité // La France d'Ancien Régime. Etudes réunies en l'honneur de Pierre Goubert. P., 1984. P. 301—315; Idem. Die verlängerte Lebenszeit-Auswirkungen auf unser Zusammenleben // Saeculum, 1985, V. 36, S. 46—69.*

кратное увеличение длительности нашего земного существования по сравнению с утратой веры в вечную жизнь? По сути дела, пустяк!

Описанный нами переход к более или менее фиксированной продолжительности жизни повлек за собой не только разложение сообщества святых. Этот процесс также ослабил связи между людьми, которых ранее сплачивали в тесные общины «чума, голод и война». Чем увереннее становился человек в своем жизненном пути, тем более он склонялся покинуть старую общину с ее строгими нормами и запретами, освободить свое «я», стать членом не общины, а общества (по Теннису). Как специалистов по исторической демографии, нас удивляют только темпы этой эволюции, идущей и сейчас.

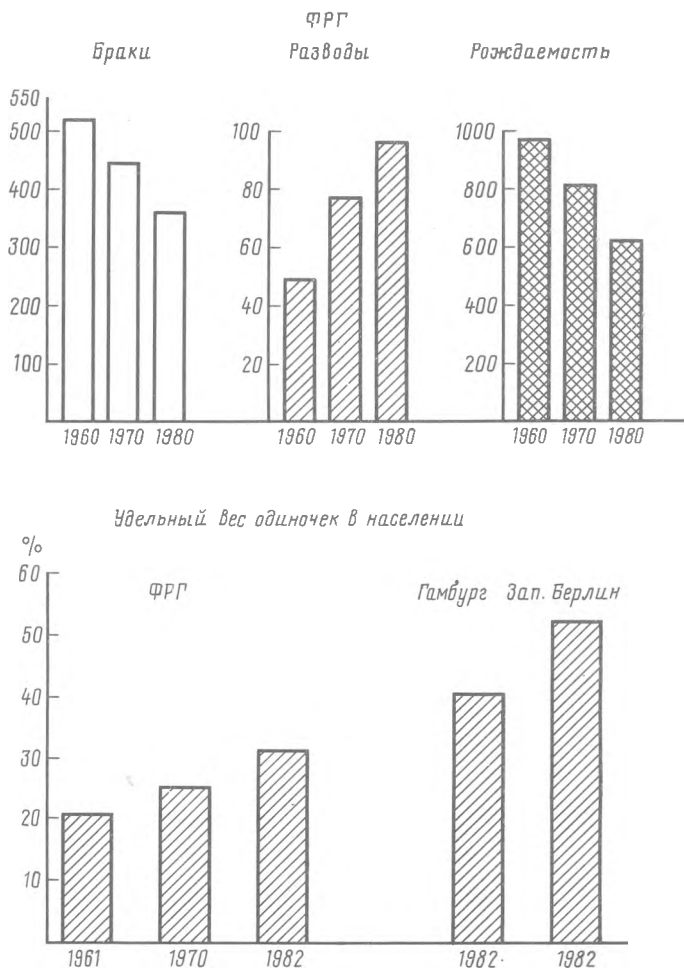

Рис. 3. Составлен по: Statistisches Jahrbuch 1985, S. 66, 71, 76, 80.

Развитие в данном направлении подтверждается целыми массивами статистических данных. Например, на рис. 3 показаны социальные сдвиги, которые произошли за последние 20—30 лет в Западной Германии. Четко прослеживается растущее нежелание людей вступать в длительные отношения и брать на себя постоянную ответственность. Эта тенденция отражается и в уменьшении числа законных браков (вытесняемых легко расторгимым сожителем), и в резком росте числа разводов (при сокращении числа повторных браков), и в заметном падении рождаемости (отчасти из-за роста числа бездетных пар), и, наиболее показательное, в устойчивом увеличении числа одиночек. В ФРГ в 1961 г. каждое пятое домохозяйство состояло из одного человека, в 1970 г. — каждое четвертое, в 1982 г. — каждое третье. В крупных городах таких домохозяйств еще больше: в Гамбурге — 40,6% общего числа, а в Западном Берлине — даже 53,3%. Конечно, эти цифры не означают, что одиночки реально составляют более половины всех жителей Западного Берлина. Однако тенденция очевидна. К тому же она наблюдается и в других европейских странах, например в Швейцарии⁹.

Существует связь между нашей эволюцией к обществу одиночек, с одной стороны, и ростом и унификацией продолжительности жизни, с другой. Эта связь наиболее очевидна на примере Японии. До недавних пор японское общество считалось особенно коллективистским. Однако за последние десятилетия там произошли (и происходят сейчас) резкие перемены.

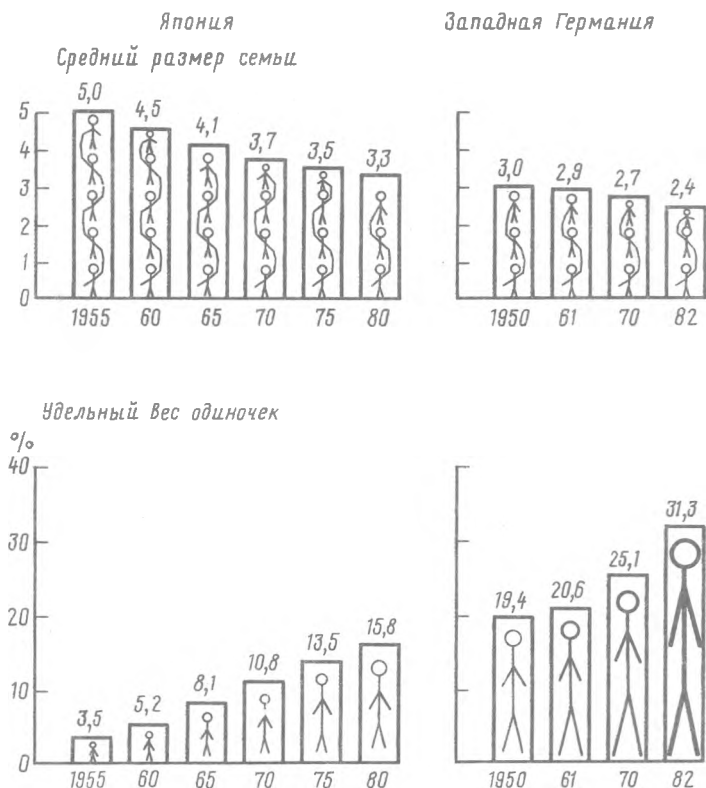

Рис. 4. Составлен по: Japan Statistical Yearbook 1985, P. 47—48; Statistisches Jahrbuch 1985, S. 66. Imhof A. E. Individualismus und Lebenserwartung in Japan. Japans Interesse an uns // Leviathan, 1986, V. 14, S. 361—391.

В верхней части рис. 4 показана динамика средних размеров японского домохозяйства в 1955—1980 гг. в сопоставлении с соответствующими данными по ФРГ за 1950—1982 гг. Нижняя часть рисунка отражает рост доли домохозяйств, состоящих из одного человека. Ясно, что Япония переживает тот же исторический переход от старого традиционного общества типа «Gemeinschaft» к более современному «Gesellschaft», которое постепенно трансформируется в «общество одиночек». В настоящее время стадиальный разрыв между ФРГ и Японией можно оценить примерно в 30 лет. В 1955 г. в Японии на одно домохозяйство приходилось в среднем 5 человек, а доля домохозяйств, состоящих из одного человека, составляла 3,5%. В 1980 г. эти показатели соответственно равнялись 3,3 человек и 15,8%. Таким образом, Япония в 1980 г. находилась на той стадии развития, на которой Западная Германия была еще в 1950 г. Тут следует снова подчеркнуть опасность экстраполяции исторических тенденций, хотя бы и на близкое будущее. Но все же можно предположить, что при таком развитии событий к 2000 г. средний размер японского домохозяйства сократится до 2,7 человек, а доля домохозяйств из одного человека достигнет 25%, что соответствует западногерманским показателям на 1970 г.

На рис. 5 отражена эволюция продолжительности жизни как основа процессов, показанных на рис. 4. Для Японии кривая роста продолжительности жизни с начала нашего века до 1983 г. имеет выраженную вогнутую форму, а для Германии выпуклую (см. нижнюю часть рис. 5). Дело в том, что в Германии ожидаемая продолжительность жизни населения значительно возросла за первые полвека, а после второй мировой войны увеличилась лишь незначительно. В Японии же наблюдалась обратная картина — основной скачок здесь произошел в 1947—1960 гг. За это время продолжительность жизни у мужчин возросла

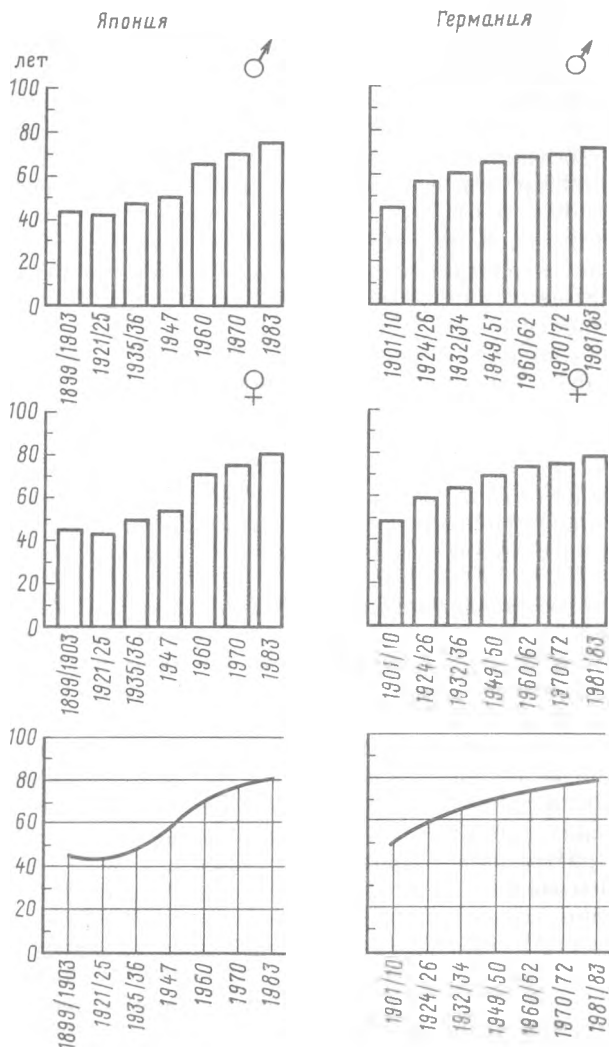

Рис. 5. Составлен по: Japan Statistical Yearbook 1985, P. 55; Statistisches Jahrbuch 1985, S. 78.

с 50,1 до 65,3 лет, у женщин — с 54 до 70,2 лет, т. е. в среднем увеличилась на один год с каждым годом. В Германии же основной прирост продолжительности жизни пришелся на значительно более ранний период: на отрезок между 1901—1910 и 1924—1926 гг. За это время соответствующий показатель у мужчин увеличился с 44,8 до 56 лет, а у женщин — с 48,3 до 58,8 лет. Это означает, что в германском обществе процесс старения населения начался по меньшей мере на поколение ранее, чем в японском. В Германии, как и во многих других европейских странах, общество имело больше времени, чтобы приспособиться к росту удельного веса пожилых людей, к увеличению продолжительности и предсказуемости жизненного срока со всеми разнообразными последствиями этого процесса. Что же касается Японии, в этой стране рост продолжительности жизни и быстрое старение населения в 1950—1970-х годах имели относительно внезапный характер и вызвали некоторый шок, до сих пор ощущаемый многими японцами. Однако за этот недолгий период Япония сумела занять первое место в мире по продолжительности жизни, опередив прежних многолетних чемпионов — скандинавские страны. В 1984 г. продолжительность жизни японских женщин впервые в истории превысила 80-летний порог и достигла 80,14 года (для мужчин этот показатель составил 74,54 года).

Как уже говорилось, моя теория, основанная на материале традиционных крестьянских обществ Европы, состоит в том, что при старой модели смертности неопределенность жизни вынуждала наших предков вырабатывать такие стратегии поведения, в которых главное место уделялось не отдельному «я», а более прочным ценностям, например, устойчивому престижу процветающей фермы. Со временем распространилась новая модель смертности, для которой характерна гораздо большая длительность жизненного срока, его определенность и предсказуемость, т. е. почти что гарантированная продолжительность жизни каждого отдельного «я». В результате традиционная картина мира, в которой личности отводилась второстепенная роль, сменилась новой, в которой человеческое «я» занимает центральное место. Именно такая картина мира характерна для западного общества последних лет.

В Японии старая модель смертности существовала на несколько десятилетий дольше, чем в Европе. Решающий сдвиг в увеличении продолжительности жизни произошел здесь только после второй мировой войны. Соответственно традиционное мировоззрение сохранялось дольше, и переход к «эгоцентрической» картине мира и к индивидуализму как основе поведения начался только во второй половине нашего века. Однако перемены идут очень быстро. Японию уже нельзя назвать коллективистским обществом типа «Gemeinschaft», как это было еще недавно. Вполне определился переход общественных отношений к типу «Gesellschaft».

Для современного населения Японии показатели экологической и физиологической продолжительности жизни сблизились в большей степени, чем в любой другой стране мира, однако еще не совпали окончательно. Средняя продолжительность жизни японских женщин сейчас превышает 80 лет, но все-таки она еще не достигла 85—90 лет, а мужчины Японии в среднем живут меньше. Пока экологическая продолжительность жизни еще отличается от физиологической, многие японцы по-прежнему будут сталкиваться с тяжелыми проблемами старости, беспомощности, старческого слабоумия (например, болезнь Альцгеймера), с зависимостью от окружающих, необходимостью постоянного ухода и страхом перед неспособностью умереть¹⁰.

В 1972 г., в пиковый момент роста продолжительности жизни и старения населения, в Японии появилась книга, очень ярко и сжато освещавшая актуальную тогда тему. Это был роман известной писательницы Савако Арийоши (1931—1984), называвшийся «Кокотсу но хито», в буквальном переводе — «Человек в экстазе». В 1984 г. был опубликован английский перевод романа, названный «Годы сумерек» (приводимые далее цитаты взяты из этого перевода). Роман основан на тщательно проанализированных данных из области статистики, медицины (особенно гериатрии), психологии, экономики, религиоведения. В Японии книга имела грандиозный успех — в течение года было продано более миллиона экземпляров. Казалось, что страна уже давно ждала именно такого литературного комментария к теме старости. Перед тем как рассмотреть эту книгу подробнее, я хотел бы порекомендовать ее читателям — ведь она посвящена таким вещам, с которыми нам вскоре придется сталкиваться все чаще и чаще, пока не уменьшится, как мы надеемся, разрыв между экологической и физиологической продолжительностью жизни.

Сюжет романа можно изложить в нескольких словах. Семья Тачибана живет на окраине Токио в скромном односемейном доме. Глава семьи по имени Набутоши — служащий торговой фирмы. Акико, его жена, работает полную неделю секретаршей в адвокатской конторе. Супруги находятся в расцвете лет. Их единственный сын, Сатоши, усиленно готовится к вступительным экзаменам в университет. Родители Набутоши живут в небольшом домике, выстроенном для них в саду. Отцу Набутоши, Шигезо, 84 года, матери — 74. Внезапно мать Набутоши умирает от инсульта. И тут становится видна вся беспомощность старика Шигезо. Он уже неспособен позаботиться о себе и нуждается в постоянном уходе. Это и есть источник семейной драмы.

В соответствии с японской традицией старший сын обязан взять престарелого отца к себе в дом, а долг снохи — постоянно заботиться о свекре. Однако Акико очень дорожит своей работой и отказывается оставаться дома. Поскольку Шигезо имеет привычку уходить из дома с риском заблудиться, ни один из немногих домов престарелых не желает принять старика. Единственная возможность — поместить его навсегда в психиатрическую больницу, но даже мысль об этом неприемлема для японца. В конце концов решение отыскивается. Акико начинает работать только три дня в неделю, посвящая остальные четыре дня уходу за свекром. Пока она на работе, за Шигезо ухаживают муж и жена (студенты), снявшие садовый домик.

Несмотря на авторскую дидактику, можно восхититься тонкостью, с которой писательница прослеживает шаг за шагом тот долгий и мучительный путь познания и сострадания, по которому идет семья Тачибана. Сначала Акико и ее сын Сатоши испытывают отвращение при виде слабоумного старика, но со временем они примираются с его немощью. В начале романа Сатоши умоляет родителей: «Папа, мама, пожалуйста, не живите так долго!»*, а в конце он говорит: «Хорошо бы дедушка прожил подольше» (с. 216). Еще более впечатляет описание того, что происходит с Акико, страдающей больше всех. Сначала она считает положение «совершенно неприемлемым» (речь тут вроде бы идет о необходимости оставить службу, но на самом деле имеется в виду вся невыносимая ситуация — с. 70). Со временем ей приходит в голову, что «хоть сейчас Шигезо ее раздражает, кто поручится, что через тридцать—сорок лет ей самой не грозит та же печальная судьба?» (с. 74). Ее взгляды постепенно меняются: «насколько все станет легче, когда Шигезо умрет! Она уже не стыдилась своей тайной мысли» (с. 110). Но наконец: «С этого дня она клянется продлить его жизнь насколько сможет, ибо знает, что только она в семье способна на это» (с. 187). Таким образом, дается законченный пример усвоения на опыте того, что японцы называют философией смирения.

Теперь я хотел бы процитировать некоторые места из романа Арийоши. Они проливают яркий свет на реакцию людей, которые внезапно сталкиваются с таким явлением, как рост продолжительности жизни. Им приходится иметь дело с престарелыми родственниками, которые ведут лишь физическое существование, утратив умственные способности. В романе члены семьи Тачибана с ужасом и изумлением замечают, что Шигезо «плачет как ребенок» (с. 203). «Каждую ночь старик вставал с постели по малой нужде... он мочился в саду, как собака» (с. 81).

Это изумление скоро проходит, и о старике начинают говорить резко и с жестокой точностью, причем такие слова раздаются из уст сына и внука Шигезо. Набутоши холодно замечает: «Отец превратился в полного идиота... я еще не видел более жалкого существа» (с. 69). А Сатоши идет еще дальше: «Он не ребенок, а животное» (с. 82).

Однако со временем все они начинают размышлять над ситуацией. Является ли более долгая жизнь настоящим даром судьбы? Набутоши говорит: «Я думаю, что когда люди в среднем жили по шестьдесят лет, подобных трагедий не было. Теперь наше питание улучшилось, и мы живем дольше. Но понимаем ли мы, какая жалкая жизнь ожидает нас в старости?» (с. 71); «Вести безрадостное существование... в тоске ожидать смерти?» (с. 65); «Когда я смотрю на отца, я чувствую, что должен умереть до наступления старческой немощи. Зачем люди теперь живут так долго? Страшно подумать о таком мире, где все стареют и никто не умирает» (с. 83). По словам Акико, она «никогда не думала, что стариков ожидает такая ужасная судьба» (с. 92); «Старость — такая это трагедия, — подумала Акико» (с. 92); «Старость гораздо более жестокая вещь, чем смерть» (с. 159); «Я молюсь, чтобы меня миновала такая участь. Я уверена, что никто сам не хочет старости» (с. 164). И неудивительно, что Набутоши

* Далее ссылки на эту книгу даны в тексте статьи в скобках с указанием страниц.

задает риторический вопрос: «Вам не кажется, что в идеале человек должен умирать в момент ухода на пенсию?» (с. 83). А соседка, госпожа Кадотани, которой самой за 70, рассуждает так: «Когда умирает престарелый родственник, семья должна считать это праздником» (с. 81).

Размышления героев романа идут все глубже. Что нам все-таки делать с «добавкой» к жизненному сроку? Является ли она истинным приобретением? Шигезо «прожил слишком долго и не получал от жизни удовольствия. Зачем он существовал все эти годы?» (с. 123); «В конце концов, зачем человеку жить, если он уже не знает, что происходит вокруг?» (с. 183); «Ради чего она прожила жизнь?» (с. 185).

Этот роковой вопрос и породил шок, испытываемый японским обществом. Поколение за поколением люди учились жить в течение самое большее 60 лет и соответственно строить свою жизнь. Внезапно продолжительность жизни резко увеличилась, причем последние ее годы стали кошмаром из-за хронических болезней и старческой немощи. Если бы жизнь кончалась в более преклонном возрасте, но при этом смерть не растягивалась бы на долгие годы, с этим можно было бы примириться. Например, 74-летняя бабушка «умерла от инсульта мгновенно. Разве это не лучший способ уйти из жизни? Она совсем не страдала» (с. 21). Но обычно японец 60—70-х годов уже не мог рассчитывать на быструю милосердную смерть, чтобы положить конец своей затянувшейся жизни. «Я думаю, человек, прикованный к постели, вовсе не хочет дожить до преклонного возраста» (с. 31). Любой человек хотел бы прожить подольше, но так, чтобы сохранять здоровье до последних дней, чтобы смерть для него была подобна падению спелого яблока. По крайней мере, таково было желание Набутоши. «Он страстно надеялся, что отважно падет в бою со смертью» (с. 136).

В одном месте романа как раз описан такой случай внезапной смерти после долгой насыщенной жизни (сегодня это почти недостижимый идеал, а в будущем, возможно, типичное явление). Когда в поисках возможного приюта для Шигезо Акико посетила дом престарелых, там только что скончался 90-летний господин Сузуки. До самой смерти (она наступила в момент игры) он сохранял полноту душевных и физических сил. Обитатели дома престарелых говорили о смерти Сузуки без особого сострадания: «Ему повезло: все эти годы он не болел ни дня и умер, не испытывая боли... Я был бы не прочь умереть так... Все старики бесстрастно отнеслись к этой смерти — они даже завидовали покойному, который был образцом старого человека, сохранившего телесное и умственное здоровье» (с. 122—123). Старики боятся не смерти, а более нового явления — неспособности умереть. Почти все они прожили достаточно и в душе принимают смерть. Они молятся о том, чтобы смерть пришла к ним так же быстро и милосердно, как к господину Сузуки¹¹.

В романе есть и еще один поучительный момент: «Акико исполнилась решимости постоянно поддерживать деятельность ума и тела. Она будет развивать свои интересы, чтобы иметь разнообразное занятия в старости» (с. 185). Так мы подходим к важнейшему элементу моего доклада, к его заключению.

Заключение. Преклонный возраст как возможность и неизбежность.

«Старение одного человека не должно быть заботой другого» (с. 185). Основную идею романа Арийоши надо повторять вновь и вновь, ибо многие еще не усвоили, что она имеет отношение к каждому из нас. Изречение «Средь нашей жизни нас подстерегает смерть» было справедливо 300 лет назад. Нашим предкам приходилось вести себя соответственно, и на этом пути они имели успех. Из-за постоянной угрозы, исходившей от троицы «чумы, голода и войны», они не ставили в центр мироздания и мировоззрения никакое отдельное «я», даже свое собственное. Главное место отводилось более долговечным ценностям, таким, например, как репутация крестьянского хозяйства. Человек прошлого посвящал свое шаткое земное существование, будь оно кратким или долгим, именно таким ценностям, выполняя отведенную ему социальную роль. Хотя продолжи-

тельность жизни отдельного человека была крайне неопределенной, на протяжении поколений удавалось создавать некую общую стабильность, служившую опорой для неустойчивого существования отдельной личности. Люди редко доживали до естественной смерти, быстрый оборот населения не мешал функционированию социально-демографической системы. Эта система вовсе не ставила своей целью увеличить до максимума число прожитых человеком лет, а ранняя смерть отнюдь не рассматривалась как катастрофа.

Однако со временем произошел существенный сдвиг. Фраза «Средь жизни нас подстерегает смерть» уже не соответствует действительности. Лишь немногие из нас умирают подобно предкам на ранних этапах жизненного пути. Впервые в истории мы более или менее полно используем отведенный нам природой срок жизни. Почти все современные люди продолжают жить и после окончания трудовой деятельности, после появления семей у их детей. Однако некоторые из нас, очевидно, толком не представляют, как использовать эти добавочные годы жизни, и часто эти годы тратятся бесцельно. Существует реальная опасность, что старение одних и вправду станет проблемой для других, несмотря на призыв Арийоши.

Преклонный возраст сейчас является необходимым элементом жизненного цикла, подобно детству, юности и зрелым годам. Сейчас старость рассматривается как нечто естественное, по крайней мере в биолого-физиологическом отношении. Для современных поколений преклонный возраст стал (впервые в истории!) всеобщей возможностью и неизбежностью. Нам необходимо полностью осмыслить эту ситуацию, чтобы использовать ее наиболее разумным способом. Рост продолжительности жизни имеет прямое отношение к молодым людям, ибо сегодняшние старики — это вчерашние юноши, многие из которых дожили до старости. Поэтому задача современной молодежи и ее воспитателей — приступить к сознательному планированию жизни на весь ее увеличившийся срок. Поговорка «Мы учимся не ради школы, а ради жизни» сегодня справедлива как никогда ранее. Однако в наше время жизнь не ограничивается работой или — для женщин — ролью матери и хозяйки, как слишком часто утверждают школьные учителя и обыденная мудрость. Теперь для большинства из нас завершающий этап жизни, период преклонного возраста, измеряется одним, двумя или даже тремя десятилетиями. Готовы ли мы к этому? Учитывая, что конкретные знания и навыки сейчас быстро устаревают, я не считаю, что нынешние 10-летние школьники или 20-летние студенты должны теперь четко представлять, что им делать в 65, 70 или 80 лет. Но мы должны привить детям и молодежи ту основную идею, которую мучительно осознает героиня романа Арийоши, думая о бесплодной старости Шигезо: «Отец прожил такую жалкую жизнь! Ради чего он существовал? У него никогда не было увлечений. Он не дружил с соседями, не ходил в театр... Акико исполнилась решимости постоянно поддерживать деятельность ума и тела. Она будет развивать свои интересы, чтобы иметь разнообразные занятия в старости. Старение одного человека не должно быть заботой другого» (с. 184—185).

Важно развивать интересы в юности и сохранять их всю жизнь, чтобы они созрели и принесли плоды в старости. Мир настолько богат, культура настолько многообразна, что никакой жизни не хватит, чтобы познать и понять все. Но чем дольше будет длиться жизнь, чем больше кусочков мозаики сможет человек собрать и составить вместе, тем яснее станет картина мира и глубже познание. И необходимая основа для этого процесса должна закладываться в юности.

Заключая эти размышления, я хотел бы подчеркнуть, что собирался не судить и морализировать, а только обрисовать некоторые важные факты и их последствия. По мере того как продолжительность жизни человека становилась все более определенной величиной, прежние стратегии, нацеленные на обеспечение стабильности, постепенно устаревали, деформировались и выходили из употребления. В ходе этого процесса постепенно ослаблялись связи между личностью и общиной, что одновременно лишало индивида поддержки и освобожда-

ло его от сковывающих ограничений. Невероятно, чтобы современный человек по доброй воле возвратился в общину, несмотря на все нынешнее недовольство охлаждением человеческих отношений. Данные статистики рисуют иную картину, и я склонен скорее опираться на них, чем пытаться снова навязать людям устаревшие структуры типа «Gemeinschaft». Сегодня наблюдается тенденция к росту числа одиночек. Из этого можно сделать вывод, что человек сам по себе вовсе не является «общественным животным», каким его долго считали. К этому его много столетий вынуждали неблагоприятные условия — «чума, голод и война». Теперь же, освободившись от жестких ограничений, люди чаще используют возможность идти по жизни в одиночестве. Я не имею в виду, что одиночки, которых становится все больше и больше, интересуются только самореализацией, не обращая внимания на человечество. Ведь одиноким людям также приходится нести ответственность за других. Не имея семейных обязательств, они все же должны нести обязательства социальные. Многие из них осознавали это в прошлом, осознают и сейчас. В конце концов, пожизненное добровольное безбрачие вовсе не современное изобретение, а явление, имеющее на Западе длительную традицию. Новизна современной ситуации в том, что жизнь в одиночестве стала реальной возможностью для каждого из нас, в том числе и для женщин, и многие используют эту возможность.

Одинокие люди несут ответственность и за себя, в частности после окончания активной жизни и наступления старости. Они не должны полагать, что за ними всегда будут ухаживать. Последовательное осуществление разработанной жизненной стратегии может привести к тому, что одинокий человек в преклонном возрасте не будет страдать от одиночества. Но сохраняющийся разрыв между экологической и физиологической продолжительностью жизни делает неизбежной беспомощность стариков. Пожилые люди внезапно оказываются в тяжелой ситуации, которую им приходится преодолевать.

Я хорошо осознаю, что мой подход в основном носит исключительно историко-демографический характер. Несомненно, наше движение в направлении «общества одиночек» объясняется не только изменением модели смертности, увеличением и стандартизацией продолжительности жизни, но и другими факторами. Я имею в виду постепенное освобождение семьи от многих (если не от всех) присущих ей в прошлом функций, которые переходят к социальным институтам более высокого ранга, — речь идет о культовой, правовой, защитной, экономической, культурной и социализационной функциях. Еще один фактор — рост численности людей, принадлежащих к среднему классу и имеющих возможность пользоваться любимыми товарами и услугами. Даже в случае болезни человек уже может не зависеть от семьи.

Хотя мы с большой теплотой говорили о наших предках и о том, как разумно они решали стоявшие перед ними тяжелые проблемы, это не означает, что я испытываю ностальгическое тяготение к прошлому. «Боже сохрани нас от чумы, голода и войны» — эти слова слишком громко звучат у меня в ушах, и я не хочу поменяться местами со своими предками, даже при том, что жизнь наших современников нередко заканчивается столь мучительно. Тем не менее я восхищаюсь тем упорством, с которым наши предки решали свои проблемы. Мы должны учиться у них умению смотреть жизни в лицо, наблюдать идущие процессы и делать из них выводы. Срок нашей жизни теперь увеличился. Задача состоит в том, чтобы жизнь каждого была не только долгой, но и полной. Иначе нам придется стыдиться этих своих прибавочных лет жизни, стыдиться того, что срок нашей жизни стал более долгим и определенным.

Примечания

¹ Joerissen P., Will C. Die Lebenstreppe. Bilder der menschlichen Lebensalter // Schriften des Rheinischen Museumsamtes. № 23. Bonn, 1983.

² Willigan J. D., Lynch K. A. Sources and Methods of Historical Demography. N. Y., 1982; Dupaquier J. Pour la démographie historique. P., 1984.

- ³ Statistisches Jahrbuch 1985 für die Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1985. S. 78.
- ⁴ *Schenda R.* Die Alterstreppe — Geschichte einer Popularisierung // *Joerissen P., Will C.* Op. cit. S. 11—24. 162—164.
- ⁵ *Grmek M. D.* Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale. P., 1983. P. 159—163.
- ⁶ *Fries J. F., Crapo L. M.* Vitality and Aging. Implications of the Rectangular Curve. San Francisco, 1981; *Manton K. G., Stallard E.* Recent Trends in Mortality Analysis. N. Y. 1984.
- ⁷ *Netting R. McC.* Balancing on an Alp. Ecological Change and Continuity in a Swiss Mountain Community. Cambridge, 1981.
- ⁸ *Stoklund B.* Economy, Work and Social Roles. Continuity and Change in the Danish Island Community of Laeso. C. 1200—1900. // *Ethnologia Europaea.* 1985. V. XV. P. 129—163.
- ⁹ *Buscher M.* Haushaltungen und Familien 1960—1980. Bern, 1986.
- ¹⁰ Council for Science and Technology. Basic Policy for the Promotion of Science and Technology to Meet the Society of Aged Population. Report Submitted to Prime Minister Yasuhiro Ma Nakasone. Tokyo, 1986.
- ¹¹ *Wöss F.* Escape into Death. Old People and their Wish to Die // *Europe Interprets Japan.* Tenterden (Kent). P. 222—229. 271—272.